

— Ты умеешь отлично погружаться в эмоции подозреваемого. Как только происходит убийство, ты представляешь себя на месте убийцы... Чем лучше полицейский способен встать на место преступника, тем быстрее он сможет раскрыть дело. Иногда он даже может предотвратить следующую трагедию, прежде чем она случится.

— ...На самом деле сначала я тоже не привык ассоциировать себя с преступниками. Но у меня было слишком мало помощников, и если я хотел повысить эффективность расследований, мне пришлось искать другие пути. Погрузиться в психику убийцы — это оказалось самым действенным способом, который я смог придумать.

В начале января Минг Шу съездил в Лочэн, чтобы найти подход к Шэн Чжи через неё и выйти на Хэ Яна. Нити оборвались именно в Лочэне. Там у него был интересный разговор с Хуа Чуном.

На обратном пути в Донгье он всё время прокручивал эту беседу в голове.

Встать на место преступника, взглянуть на всё его глазами — возможно, именно это позволит остановить очередную трагедию до того, как она произойдёт.

Но как же это трудно.

Против Хэ Яна есть лишь один свидетель — Ху Ин. Но её показания нельзя использовать как доказательство.

То, что уже произошло, слишком сложно расследовать. Доказательства либо уничтожены, либо спрятаны в местах, недоступных полиции.

У группы по тяжким преступлениям нет даже законного основания начать проверку Хэ Яна.

Чтобы привлечь его к ответственности, нужно дождаться следующего удара.

Кто станет следующей «букашкой»?

Влезть в голову социопата, смотреть его глазами, думать его мозгом, угадать его следующую цель...

— У Хэ Яна аппетиты становятся всё более безудержными, — сказал Минг Шу, поделившись своими мыслями с Сяо Юанем.

Тот, немного подумав, ответил:

— Сначала его не устраивали обычные люди, потом — Ху Ин и Шэн Чжи... Боюсь, теперь ему уже и звёзды кажутся недостаточно привлекательными.

Минг Шу нахмурился:

— Я тоже вижу прогрессирующий характер его преступлений, но не могу понять, на кого он теперь может положить глаз.

— Капитан Хуа — эксперт в таких делах, неудивительно, что ты обратился к нему, — заметил Сяо Юань.

— Но он плохо знает Хэ Яна, — ответил Минг Шу. — К тому же сейчас дело ещё не на той стадии, чтобы привлекать Лочэн.

— Погружение в психику преступника — вещь непростая, но всё же не такая уж непостижимая, — сказал Сяо Юань. — Хэ Ян возбуждается от убийства. Но главное в убийстве — это человек. То, что его по-настоящему будоражит — это исполнители. Подумай, какая категория людей доставляет ему наибольшее удовольствие, когда он управляет ими.

Минг Шу потер лоб. Будто вот-вот что-то уловил... но не успел ухватить.

— Ты — Хэ Ян. У тебя социопатия. Ты преступник, — сказал Сяо Юань. — Пусть снаружи ты выглядишь безупречно и излучаешь уверенность, пусть страх почти подавлен — это не значит, что он исчез.

— Я боюсь, что мои преступления раскроются, — внезапно произнёс Минг Шу. — Я уверен, что всё спланировано идеально, но всё, что случилось, обязательно оставит в мире след.

Сяо Юань кивнул:

— Множество примеров доказывают: даже самые жестокие преступники в глубине души боятся тех, кто идёт по их следу.

— Полицейские? — спросил Минг Шу. — Самые пугающие для них — это как раз те, кого они больше всего хотят унижить и растоптать!

Сяо Юань сказал:

— Хэ Ян, а вместе с ним и его секретарь Чжоу Шань... Я думаю, для них огромное удовольствие — видеть, как представители правосудия становятся их игрушками, теми самыми «насекомыми», которых можно мять в руках.

Минг Шу долго молчал:

— Нам нужен кто-то под прикрытием. Но...

Сяо Юань покачал головой:

— Ты собрался отправить кого-то из своих людей, чтобы тот приблизился к ним?

— А что мне остаётся? — спросил Минг Шу.

— С такими, как Хэ Ян, если подслать человека под прикрытием, тот не сможет ни заслужить его доверия, ни даже просто приблизиться к нему, — сказал Сяо Юань. — Обрати внимание: ты только что сам, встав на место Хэ Яна, вспомнил о полицейских. Значит, Хэ Ян и Чжоу Шань обязательно сами начнут искать подходящего им по критериям полицейского.

— Их критерии... — нахмурился Минг Шу.

— Глубокое недовольство текущим положением, чувство несправедливости, а то и злость на всю систему, — сказал Сяо Юань. — И в то же время — выдающиеся личные качества, сильные амбиции. Вот таких людей они считают пригодными для управления.

— Но как такой человек может стать подставным? — только сказал это, как замер. — Хотя... мне вдруг вспомнился один человек.

Директор Ли Дань вскоре должен уйти с поста. Последние дни на должности он проводил без спешки и забот.

Минг Шу поставил на стол чай, который принёс из дома, и тут же принялся заваривать его для начальника Ли.

— Не суетись. Лучше сразу к делу, — сразу сказал директор Ли, будто с первого взгляда понял, что Минг Шу пришёл вовсе не просто попить чаю.

Минг Шу последовал его тону:

— Хотел бы расспросить вас о капитане Ляне.

— О капитане Ляне? — переспросил Ли Дань. — В каком смысле?

— В прямом, — ответил Минг Шу. — Просто скажите... что вы о нём думаете?

Ли Дань встал из кресла. Прошло около десяти минут, прежде чем он заговорил:

— Капитан Лян — человек основательный, серьёзный, один из самых трудолюбивых в управлении. Очень способный, но до тебя и до заместителя Сяо ему далеко.

Минг Шу смотрел на край стола, не говоря ни слова.

— Знаешь, откуда эта разница? — обернулся к нему Ли.

— Из-за взгляда на вещи, — сказал Минг Шу.

Директор Ли слегка усмехнулся:

— В отделе по тяжким преступлениям ты самый умный.

Немного помолчав, он добавил:

— Наверное, ты тоже задавался вопросом: почему все эти годы я растил капитана Ляна, продвигал его, но так и не назначил на должность заместителя начальника?

— У вас были на то причины, — ответил Минг Шу. — Капитан Лян — хороший исполнитель, но не лидер. Заместителю и начальнику нужны широкий кругозор и умение управлять подчинёнными. Капитан Лян не справился бы с этим. Вы не захотели оставить после себя видимое спокойствие, за которым скрываются проблемы.

Директор Ли кивнул:

— Я действительно хотел, чтобы капитан Лян набрался ещё опыта. Ограниченность кругозора — это следствие среды, в которой он рос. Сравнить его с заместителем Сяо — это неравный бой. Но это не значит, что он бесполезен. Капитан Лян вырос в обычной семье из маленького городка. Его родители — простые люди, не могли дать ему особой поддержки. У него есть свои ограничения. Его подход к делам не всегда всесторонний, и человек он, скажем честно, не самый простой. Но как следователь он обладает достойными качествами, и ты это не можешь отрицать.

Минг Шу задумался. За годы совместной работы он убедился: Лян Чжао хоть и не самый приятный начальник, но всегда относился к делу с полной ответственностью и предельной строгостью.

— Приход заместителя Сяо для него стал одновременно благом и испытанием, — продолжил директор Ли. — С положительной стороны: у Сяо Юаня есть то, чего нет у него. Со временем это поможет капитану Ляну восполнить свои слабые места. К тому же Сяо Юань может взять

на себя часть давления, а Лян Чжао — сосредоточиться на том, что у него получается лучше всего. Но с другой стороны... в управлении все шепчутся, что его заменили. Сам он до сих пор не смирился с этим и затаил обиду.

— Он говорил с вами об этом? — спросил Минг Шу.

— Да. Идея временного перевода в северное отделение была моей. Ему нужно сменить обстановку, чтобы взглянуть на себя со стороны, — директор Ли улыбнулся. — Капитан Лян — обычный человек, не святой. У него есть эмоции. Я понимаю его. И прошу вас тоже его понять. До перевода я часто за ним наблюдал. За тобой тоже. И за заместителем Сяо. Может, ты это уже давно заметил.

Минг Шу удивился:

— Вы и это разглядели?

Ли тяжело вздохнул:

— Я надеюсь, что вы, молодые и талантливые, как можно скорее научитесь работать вместе и возьмёте на себя весь груз управления уголовным отделом.

Минг Шу на секунду замолчал, затем наконец решился сказать вслух то, что давно зрело у него на душе.

В глазах начальника Ли промелькнуло удивление, но вместе с тем и некая предсказуемость:

— Вы с заместителем Сяо хотите воспользоваться нынешним положением капитана Ляна...

— Получается, нам придётся его немного прижать, — сказал Минг Шу.

Спустя мгновение директор Ли произнёс:

— Я организую вам встречу.

— Начальник Ли, у меня есть ещё одна тревога, — сказал Минг Шу.

Директор Ли поднял руку:

— В остальном я ничего гарантировать не могу. Но капитан Лян — это полицейский, которого я лично вырастил. Его преданности ты можешь не сомневаться.

В дни своей «ссылки» в Северное отделение полиции Лян Чжао занимался немного чем. Во-первых, у него совсем не было настроения, а во-вторых, директор Ли дал ему задание: понаблюдать за подчинёнными и задуматься над тем, как налаживать с ними более мягкий контакт.

С точки зрения посторонних это создавало обманчивое впечатление: будто капитан Лян из уголовного управления совсем опустил руки, так и не оправившись от удара.

— Я должен стать подставным? — Лян Чжао высоко поднял бровь и уставился на Минг Шу. Взгляд у него был настолько жёстким, что невольно вызывал дрожь.

Но Минг Шу уже не раз попадал под такой взгляд. Он спокойно и искренне сказал:

— Капитан Лян, это очень несправедливо по отношению к вам, но...

Лян Чжао махнул рукой, перебивая:

— Не нужно этих пустых слов. Просто скажи, что мне сейчас нужно делать.

Минг Шу вдруг ощутил сильное волнение.

После разговора с директором Ли он почти не сомневался, что Лян Чжао согласится, но не ожидал, что это произойдёт так быстро и спокойно.

Для криминального детектива это было не самое опасное задание, но вот моральный барьер... перейти его было очень трудно.

Ведь они действительно использовали текущее положение Лян Чжао: его растерянность, обиду, гнев.

Он вполне мог бы подумать, что его просто унижают.

Но Лян Чжао всё это принял — легко и без лишних слов.

Оценка директора Ли была точной: у капитана Ляна есть множество ограничений, но в его верности сомневаться не приходится.

Когда в тот день он уходил, то впервые за долгое время слегка улыбнулся:

— Я благодарен, что в такой момент вы вспомнили обо мне.

После возвращения в Северное отделение Лян Чжао стал ещё более апатичным. Он ленился, саботировал работу, вызывал недовольство у коллег. Но из-за его положения никто не решался высказываться прямо при нём.

Постепенно разговоров о нём становилось всё больше. Сам Лян Чжао ничего не объяснял, наоборот — не раз публично жаловался на несправедливость, которую испытал в уголовном управлении, открыто обвиняя в этом Сяо Юаня, Минг Шу и Ли Даня.

Вся полиция Донгье знала: капитан Лян, вытесненный из управления, буквально кипит от злости.

Перед самым праздником Весны он вышел из рядов полиции, ненадолго вернулся в уголовное управление, уладил формальности — и снова ушёл. За все годы, отданные управлению, его так никто и не пришёл проводить.

Он стал посмешищем.

Демоны, почуяв запах «страданий», наконец явились. Они хотели превратить его в ещё одного «насекомого».

Но они недооценили честь и справедливость, которые носит в себе каждый полицейский.

— Ты!.. — Чжоу Шань буквально взорвался от ярости. — Ты меня подставил?!

— Это ты и твой господин Хэ выбрали меня, — холодно ответил Лян Чжао.

Чжоу Шаня привели в допросную комнату отдела по тяжким преступлениям. Лян Чжао вместе с другими тоже вернулся в уголовное управление, но пока не принимал участия в допросе.

Он сидел в крохотной комнате в самом конце коридора и, погружённый в мысли, долго не двигался. Только собрался закурить, как вдруг услышал стук в дверь.

Эта комната — специальная курилка. Когда дело заходило в тупик, сотрудники часто приходили сюда выкурить по сигарете.

Он решил, что это кто-то из коллег, уже собирався встать и выйти, как вдруг услышал снаружи:

— Это капитан Лян?

Он замер.

Голос был не очень знакомым, но он сразу понял, кто это — Сяо Юань.

Спустя несколько секунд он ответил:

— Входите.

Сяо Юань был без куртки — рубашка, форменные брюки, всё аккуратно и просто. В левой руке он закрыл за собой дверь, в правой держал телефон, пачку сигарет и зажигалку.

Лян Чжао слышал, что новенький заместитель директора Сяо не курит.

Сяо Юань подошёл к Лян Чжао, положил всё на стол и протянул ему руку.

Лян опустил взгляд — и шрам на его лице едва заметно дёрнулся.

— Капитан Лян, спасибо за всё, что вы сделали, — Сяо Юань смотрел серьёзно и с уважением.
— Вы проделали огромную работу.

Правая рука Лян Чжао дрожала. Когда он сжал обе руки вместе, из горла выдавилось одно слово:

— Я...

«Я вовсе не такой бескорыстный, каким вы меня считаете».

Он лучше всех знал, как сильно завидует Сяо Юаню. Более того, он даже опасался Минг Шу.

Потому что они оба были лучше его: с более широким взглядом, с более яркими способностями.

Прошлым летом, когда Сяо Юань внезапно занял высокий пост, он был полон негодования, смотрел на него с неприятием и не раз жаловался на это директору Ли. Тот всегда спокойно советовал ему: обрати внимание на себя, не горячись, сохраняй спокойствие.

«Но ведь пострадал именно я», — думал он. «Именно моё положение рухнуло. Как я могу сохранять спокойствие?»

Он вовсе не был равнодушен к карьерному росту. Каждую ступень он проходил сам — с боем, с усилиями.

Он не мог смириться с тем, как сильно появление Сяо Юаня повлияло на его положение.

А когда отдел по тяжким преступлениям под началом Сяо Юаня и Минг Шу стал один за другим раскрывать серьёзные дела — это резануло его ещё глубже.

Когда он сам руководил этим отделом, таких успехов не было.

С приходом Сяо Юаня и возвращением Минг Шу из специального отряда всё преобразилось — отдел как будто получил второе дыхание.

Сяо Юань оказался вовсе не тем бессмысленным «парадным фасадом», каким он его считал. У него были и способности, и стратегия, и, главное, — то, чего Лян Чжао самому не хватало: широкий взгляд на вещи.

В сравнении с собой Лян Чжао понимал: именно Сяо Юань больше подходит на должность заместителя начальника уголовного управления.

Признать, что кто-то лучше тебя. Признать, что ты проиграл не из-за чужого бэкграунда, а потому что уступаешь в умении — это, пожалуй, самое болезненное для человека с высоким самомнением.

То, что Чжоу Шань и Хэ Ян выбрали именно его, не было случайностью.

Слушая, как Чжоу Шань раз за разом пытается его убедить, он не мог сказать, что совсем не сомневался. Он даже думал — может, и правда, сбросить форму и уйти во тьму?

И вот теперь Сяо Юань говорит ему «спасибо» и «вы проделали большую работу» — а Лян Чжао чувствует, что он не заслужил этих слов.

Он бессознательно сильнее сжал пальцы, очнулся, поднял голову — и встретился с прямым взглядом Сяо Юаня.

Этот человек всегда держался спокойно, уверенно — с той самой выдержкой, без которой не стать настоящим руководителем. А ведь именно этого Лян Чжао так не хватало.

Он вздохнул и сказал:

— Никакой это не подвиг. Просто моя обязанность как полицейского.

Сяо Юань отпустил его руку, взял с пачку сигарет со стола:

— Выкурим по одной?

Лян Чжао взял сигарету:

— Спасибо. Хотя, насколько я слышал, вы ведь не курите?

— Не курю. Но это не мешает мне составить компанию коллеге, — ответил Сяо Юань, и со щелчком зажёг зажигалку.

Лян Чжао слегка опешил. Отказаться сейчас значило проявить неуважение, поэтому он тут же поднёс сигарету к огню и закурил.

Молочно-белый дым мягко поднялся между ними.

В комнате была хорошая вытяжка и большие окна, так что даже если курить здесь впятером, запах табака не будет душить.

Между мужчинами бывает такое тонкое, едва уловимое напряжение: вы можете быть знакомы много лет и всё равно оставаться чужими, даже настороженными. Но стоит вместе выкурить по сигарете — и отношения уже немного другие.

Лян Чжао вдруг понял, что Сяо Юань вовсе не так недостижим, как ему казалось раньше.

— Ты прав, — сказал Сяо Юань. — Это всего лишь твой долг как полицейского. Но всё равно я должен поблагодарить тебя. Не каждый может выдержать такое давление.

Лян Чжао никогда не был красноречивым. Услышав это, он долго молчал, потом дёрнул уголком губ:

— Не важно.

— Что планируешь дальше? — спросил Сяо Юань. — Отдохнёшь немного или сразу вернёшься?

Глаза Лян Чжао округлились, взгляд стал немного свирепым.

На самом деле он не злился — у него просто такое лицо. Из-за этого его часто неправильно понимали.

— Требовать от тебя немедленного возвращения, пожалуй, будет перебором, — с лёгкой улыбкой сказал Сяо Юань. — Но директор Ли уже ушёл в отставку, и уголовное управление нуждается в тебе.

— Нуждается во мне... — пробормотал Лян Чжао. — Уголовное управление нуждается во мне...

Пока он был в отделении Бэйчэн, ему постепенно стало ясно: директор Ли просто хотел дать ему время остыть и прийти в себя. Но когда он действительно немного остыл, то уже не знал, как ему теперь вернуться, как смотреть в глаза бывшим коллегам.

Он даже думал: может, вообще не возвращаться в управление, остаться в отделении и делать посильную работу. Всё равно он не годится на руководящие должности. А если вернётся, возможно, снова попадёт в замкнутый круг.

— Возвращайся, — искренне сказал Сяо Юань. — Конечно, если хочешь немного передохнуть, это тоже возможно. Но с моей точки зрения... я бы не хотел, чтобы ты отдыхал слишком долго.

Лян Чжао слегка усмехнулся.

Его улыбка не вызывала симпатии — в ней всегда чувствовалась какая-то «сдавленность», «ограниченность», а даже когда она шла от души, в ней всё равно была нотка «коварства».

— Я не буду отдыхать, — сказал он. — Я возвращаюсь в команду прямо сейчас.

Сяо Юань кивнул, встал:

— Хорошо. Капитан Минг сейчас допрашивает Чжоу Шаня, пойдём посмотрим?

Хотя во время этой операции Хэ Ян не был пойман с поличным, Чжоу Шань — его личный секретарь — прямо связан с его действиями. А Лян Чжао во время противостояния с Чжоу Шанем уже успел получить важные аудио- и видеозаписи, включая ключевой ролик с массовым убийством.

Эти материалы совпадали с показаниями Ху Ин.

Ранее эксперты признали, что у Ху Ин серьёзные психические отклонения, и потому его показания не могли считаться доказательством.

Но с появлением новых улик полиция была обязана пересмотреть достоверность слов Ху Ина.

Именно этого и добивался Минг Шу.

Теперь у отдела по тяжким преступлениям, наконец, появился прямой повод начать расследование в отношении Хэ Яна.

Допрашивали до вечера. Сначала Чжоу Шань всё отрицал, но по мере того как эмоции брали верх, он признал, что и Ху Ин, и Шэн Чжи — это участники, которых он сам подбирал для «игры» Хэ Яна. Также он признался, что вместе с Лян Чжао похитил Чжоу Пина — чтобы тот стал участником следующей «резни с участием полицейских».

В соседней комнате Чжоу Пин не отрываясь смотрел в монитор. Из его глаз потекли слёзы.

— Он... — с трудом выговорил он. — Это... это и есть мой брат? Как он мог... как он мог стать таким?

Глаза Чжоу Шаня светились ненавистью. Он злобно смотрел на Минг Шу:

— Что, вы думаете, только судьбе позволено превращать таких, как я, в насекомых? А мне, значит, нельзя превращать в насекомых других? Вы, все эти любимчики судьбы, какие у вас есть права читать мне нотации? Когда я страдал — где вы были? Когда меня продали — кто мне помог? Вы все такие блестящие снаружи, но гнилые внутри — такие же, как мой старший брат, высосавший кровь из всей семьи!

Чжоу Пин покачал головой и тихо сказал:

— Это неправда...

Минг Шу уже собирался прервать допрос, как вдруг в наушнике прозвучал срочный сигнал.

Голос Фан Юаньхана был тревожным:

— Учитель... Хэ Ян исчез!

<http://bllate.org/book/14859/1322037>